

MP ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

КОСМИЧЕСКАЯ МЕЧТА ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА РЖД

Текст Бахтиёр Абдуллаев

Фото Юрий Самошкин, Андрей Артамонов, архив Олега Атькова

Выбрать тему для разговора с Олегом Юрьевичем Атьковым было одновременно и легко, и трудно. Человека с такой биографией хотелось расспросить и о космосе, и о современной медицине и, конечно же, о Российских железных дорогах. Однако жесткий лимит времени диктовал свои условия, и вновь приходилось стоять на пороге выбора. Но внезапно все разрешилось само собой. Интереснейший собеседник, кладезь живых историй, свидетель и непосредственный участник многих событий, Олег Юрьевич просто предложил: «Поговорим, сколько успеем». У нас в распоряжении был всего лишь час.

– Вы родились девятого мая. Чего в этот день для Вас «больше» – Дня Победы или все же дня рождения?

– Понятно, что я специально не подгадывал, и мое появление на свет именно в День Победы случайно. Впрочем, я рад, что данное событие не произошло 29 февраля или 8 марта. Конечно, мне повезло родиться в этот замечательный день.

– Но эта дата как-то влияет на сам процесс отмечания дня рождения?

– Девятого мая, как правило, собираются только очень близкие люди. Гости «За День Победы» и «За Родину» обязательны. Несколько лет назад друзья преподнесли мне особый подарок – я увидел салют со смотровой площадки крыши МГУ на Воробьевых горах. Зрелище завораживающее и, безусловно, величественное. Огни Москвы, фейерверк и тонкая полоска заката – картина, которую хочется запомнить, увидеть вновь и подарить каждому россиянину.

– Сын разведчика, ставший врачом, а впоследствии и космонавтом, Вы никогда не видели себя в другой специальности?

– На самом деле, жизнь могла распорядиться и по-другому. Начать с того, что когда моя мама ждала меня, отец находился в одной из сложных командировок, где легко мог «схлопотать пулю». К счастью для всех, этого не произошло, и мой отец до сих пор жив и работает. Он энергичный человек и, несмотря на возраст, по-прежнему профессионально востребован.

Так случилось, что, отправившись в медицину, я имел перспективу стать просто хорошим врачом – у меня были великолепные учителя. Этим обстоя-

тельством очень горжусь. В медицине у меня было два учителя, на которых я всегда равнялся – покойный профессор Нур Мухамедович Мухарлямов и академик Евгений Иванович Чазов – ныне директор Кардиоцентра. Я многое у них почерпнул и мог быть вполне благополучным ученым, с понятной карьерой – кандидатская, докторская, профессор. Но в то же самое время произошло следующее: мой первый учитель профессор Мухарлямов, член Главной медицинской комиссии по отбору в отряд космонавтов, привлек меня, молодого кардиолога, к работе с участниками экспедиций, совершавших космические полеты. Тогда-то я и столкнулся с проблемами, возникшими у наших коллег из Звездного городка, когда первые космонавты вернулись после полета, продолжавшегося сорок девять суток. У одного из них были обнаружены некие отклонения, нужно было разбираться и помогать. К тому моменту у меня в руках было довольно серьезное и редкое диагностическое эхокардиографическое оборудование, на котором я работал. Уникальная аппаратура была только в нашем центре и больше нигде в стране.

Мне часто приходилось вылетать на Байконур. Встречал экипажи после длительных полетов. На основании полученных данных строились программы восстановительных мероприятий. В дальнейшем были внесены кое-какие коррективы в профилактические мероприятия непосредственно на борту орбитальной станции.

По прошествии полутора лет энергичного взаимного контакта я получил предложение пройти отбор в отряд космонавтов. Мой профессиональный

путь начался с медицины, потом вернулся в пилотируемую космонавтику – так все состоялось. Позже, вернувшись к карьере кардиолога и не желая просто так расстаться с багажом накопленных знаний в области космической медицины и физиологии, я продолжал заниматься этими вопросами, как в экспериментальном виде, так и в чисто педагогическом. Это привело меня в конце девяностых во Францию, где я стал преподавать в университете, и продолжаю преподавание по сей день.

Мой третий путь – железные дороги, где я сейчас работаю, и мне очень нравится то, чем я занимаюсь. Потому что и здесь – взаимодействие человека и техники в условиях интенсивных технологий. Для меня это отчасти продолжение темы пилотируемой космонавтики: то же самое испытание человека и испытание техники. Здесь я вижу, какие колоссальные резервы открывает железнодорожная медицина для сохранения профессионального долголетия, так как это – работа в особых условиях. И современный машинист – это уже скорее пилот (имея в виду высокие скорости современных поездов). К тому же, работа ночью, когда идет масса информации (в том числе и чисто визуальной), предъявляет существенные требования к человеку, к тому, как он должен реагировать, чтобы донести в целостности и сохранности пассажиров и грузы. Жизнь людей бесценна, а аварии грузовых составов могут серьезно повлиять на экологию. Поэтому большая ответственность лежит на тех, кто контролирует состояние готовности человека к работе. Мы здесь много делаем и сделали. В частности, внедрили на всех наших депо

Медео. Казахстан. Сборы по медико-биологической подготовке космонавтов под руководством Ю.А. Сенкевича. Весна 1983 года.

Первый парашютный прыжок. Осень 1983 года.

систему так называемых автоматизированных комплексов предрейсового медицинского осмотра машинистов. Вы приходите на работу и до получения конкретного рабочего задания проходите медосмотр. Специализированный компьютер определяет состояние вашего здоровья и вашу готовность встать к «штурвалу» локомотива.

Раньше, когда не было таких автоматизированных комплексов, можно было договориться с фельдшером. А теперь мы исключили человеческий фактор. И это ко многому стало обязывать машинистов. Чтобы пройти контроль, надо следить за своим давлением, здоровьем, наконец, накануне отдохнуть и так далее. Такой принцип допуска действует по всем железным дорогам России. Так что будьте уверены, когда садитесь в поезд, что машинисты и их помощники прошли тщательный контроль.

– Вы почетный гражданин многих известных городов и такого малоизвестного селения, как Хворостянка, где Вы родились.

– Село-то известное. Своими историческими корнями уходит к временам Пугачева. Где-то неподалеку он «постоял», чтобы «поуправлять» крестьянским бунтом. Жители этого села возвели меня в ранг почетного гражданина.

Я родился в Хворостянке и прожил там первых двадцать дней жизни, поэтому, кроме мокрых пеленок, ничего там не оставил. А когда обо мне написали в

газетах, то мне передавали из Куйбышева, что там появились якобы очевидцы, которые помнили, как я ходил в садик, в школу и так далее. К счастью, сохранился дом, где недолго квартировала моя семья – я приезжал туда после полета. Жителям дома повезло. Им в связи с моим приездом местные власти отремонтировали крышу и проложили асфальтовую дорожку. Недавно я узнал, что в честь космонавтов переименован местный парк.

Я считаю моральным долгом помогать землякам и в этом году направил в больницу, где родился, все деньги от последней полученной премии правительства.

– В вашей жизни есть город, рассказывая о котором, Вы могли бы сказать: «У нас»?

– Наша семья много ездила по стране, и у меня несколько таких городов, где я задерживался годами: Куйбышев, Киев, Херсон. В последнем я окончил школу (десятью по счету), мои родители в то время жили за границей, а бабушка с дедушкой – в ста тридцати километрах от Херсона.

Когда я говорю «у нас», то имею в виду всю страну. Сейчас мне приходится очень много ездить, и к великому счастью для себя, я своими ногами прошел места и местечки, которые видел с борта станции, с высоты четырехсот километров. И думал тогда, что неплохо было бы там побывать.

– Вы в советское время стали лауреатом премии Ленинского комсомола. И сейчас наш разговор проходит в год девяностолетия ВЛКСМ. Что-то в сердце ёкает?

– Сказать, что я был тесно связан с комсомолом – не могу. Как все, был членом ВЛКСМ. Тем не менее, мне звонил один из бывших секретарей ВЛКСМ Сергей Епифанцев – мой старый товарищ, и приглашал на юбилей комсомола. Премия Ленинского комсомола – не та награда, которая могла бы ассоциировать меня с деятельностью в комсомоле: я всего лишь занимался научной работой, которая была удостоена этой премии.

Но комсомол мне однажды и в самом деле очень сильно помог. В начале восьмидесятых я был председателем Совета молодых ученых Кардиологического центра, имел допуск к работе с секретными документами, потому что уже находился на спецтренировках. В это время в Париже проходил Европейский конгресс кардиологов. Меня на него пригласили. Но поехать я не мог – был невыездным. Я обратился к Чазову. Не знаю уж, как там наверху решился вопрос, но вдруг мне звонят из одной весьма авторитетной организации и говорят, что я должен приехать завтра в Шереметьево с вещами. Когда приехал, мне сказали, что за меня поручился ВЛКСМ. Таким образом, меня выпустили в командировку.

Справка «МР»: Олег Юрьевич Атьков родился 9 мая 1949 года в селе Хворостянка Куйбышевской (ныне Самарской) области. Окончил среднюю школу в 1966 году, после школы поступал в медицинский институт, но не прошел по конкурсу. Учился в медицинском училище, одновременно работая препаратором в медсанчасти хлопчатобумажного комбината. В 1967 году поступил в Крымский медицинский институт в Симферополе.

Во время учебы женился и переехал в Москву, в 1973 году окончил 1-й Московский медицинский институт им. И.М. Сеченова. В 1975 году закончил ординатуру, а в 1978 – аспирантуру Научно-исследовательского института кардиологии Всесоюзного кардиологического научного центра Академии медицинских наук СССР. В 1975 году начинает работать врачом в отряде космонавтов Центра подготовки космонавтов.

В 1976 году прошел медицинский отбор в отряд врачей-космонавтов.

Был назначен на должность врача-космонавта Всесоюзного кардиологического центра Академии медицинских наук СССР. В октябре 1983 года было принято решение о включении Атькова в состав экипажа третьей основной экспедиции на орбитальной станции «Салют-7» в качестве врача-космонавта-исследователя.

С 8 февраля по 2 октября 1984 года вместе с другими членами экипажа космического корабля «Союз Т-10» Атьков совершил космическую экспедицию на орбитальной станции «Салют-7». Общая продолжительность экспедиции составила рекордный на то время срок – 236 суток 22 часа 49 минут. Во время полета Атьковым были проверены новая аппаратура и приборы для оценки состояния космонавтов, был проведен ряд уникальных экспериментов.

После возвращения Олег Атьков продолжил работу в Институте клинической кардиологии, в 1984 году стал заведующим лабораторией функциональных методов исследования, в 1986 году защитил докторскую диссертацию, с 1987 по 2002 год руководил отделом новых методов диагностики и исследований Российского кардиологического научно-производственного комплекса Министерства здравоохранения Российской Федерации. Одновременно с 1991 года является профессором, заведующим кафедрой методов инструментальной диагностики Российского государственного медицинского университета. Занимается клинической и педагогической деятельностью, одновременно продолжая работу в области космической физиологии и медицины, участвовал в экспериментальных полетах по параболе Кеплера с созданием искусственной гравитации на специально оборудованных самолетах А-300 и Ил-76ТД. В научной школе,

Перед стартом. Февраль 1984 года.

созданной О.Ю. Атьковым, подготовлены свыше сорока докторов и кандидатов наук. В 1985 году был избран почетным доктором Университета имени Гумбольдта в Берлине. С 1989 по 1999 годы сотрудничает с Международным космическим университетом (ISU) в Страсбурге как содиректор департамента «Space Life Science», где ведет исследовательскую и педагогическую работу. С 1991 по 2002 год избирался президентом Российской ассоциации специалистов ультразвуковой диагностики в медицине. В 2000 году избран президентом Российской ассоциации телемедицины, работал экспертом-консультантом в области телемедицины Европейской комиссии в Брюсселе. В 2002 году назначен руководителем Де-

партамента здравоохранения Министерства путей сообщения России.

В 2003 году назначен начальником Департамента медицинского обеспечения ОАО «Российские железные дороги».

С 17 августа 2005 года является вице-президентом ОАО «Российские железные дороги».

Олег Атьков – автор более двухсот научных трудов, в число которых входят четыре монографии, четырнадцать изобретений и пять патентов. Удостоен Диплома президиума и Золотой медалью К.Э. Циолковского Академии наук СССР.

Лауреат премии Ленинского комсомола, Государственной премии СССР, премии правительства Российской Федерации, заслуженный деятель науки РФ.

MP_ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

– Так получается, что в Вашей жизни много профессиональных праздников. Какой самый близкий?

– Теперь оказывается, что их три: День медицинского работника, День космонавтики, День железнодорожника. Меня поздравляют со всеми. Люблю все праздники, но считаю, что 12 апреля – особенный день. Это великий прорыв для страны. И, конечно же, 9 Мая. Это свято, это поворотный момент для десятков, сотен миллионов людей не только у нас, но и в Европе. Европа, да и мир, стали жить по-другому. Это сейчас пересматривается различными институтами и частными лицами история, ее перевирают и извращают. Об этом я уже не хочу говорить. Всегда так было, что у дела есть создатели, а затем появляются те, кто бежит впереди, бьет себя в грудь. Вот и получается, что Победа у нас одна, а родителей у нее оказалось слишком много. Считаю, что особый день – 9 Мая – должен быть всегда. Если страна и государство хотят, чтобы мы были едины и непобедимы, то такие праздники необходимы.

– Как же у космонавта не спросить об инопланетянах?

– В ночь на первое апреля в переговорах с ЦУПом я сказал, что видел дракона. Пошутил – первое апреля. Мы посмеялись. А потом эта байка вернулась ко мне из газетных публикаций США, от моего заморского коллеги. Наши переговоры слышали американцы. У нас, в ЦУПе, шутку с первым апреля поняли, а американцы такого праздника не знают. И разстрезвонили у себя в СМИ, что русские в космосе видели то ли драконов, то ли ангелов. И эта ерунда стала переходить из одной публикации в другую. Каждый ссылается на предыдущего, и все это нарастает, как ком. Я рассказал на страницах одной газеты всю предысторию этой «утки». Но, увы, эта байка живет самостоятельной жизнью. Я не видел инопланетян. Не могу похвастаться. Видел некие рукотворные объекты, которые проходили под нами и над нами. А что касается Луны и реальности лунной высадки американцев, то эти темы постоянно мустируются, время от времени их пополняют новыми комментариями. Могу сказать две вещи, которые, полагаю, будут уместны. Я лично знаю несколько человек, которые работали с лунной программой. Участник последней лунной экспедиции, астронавт Харрисон Шмитт, геолог – привез на Землю реголит (смесь минералов, из которых состоит лунная поверхность). Есть очевидные доказательства пребывания Шмитта на Луне – сто одиннадцать килограммов лунной

породы, которая находится в лабораториях. Всего же шесть американских экспедиций с 1969 по 1972 годы доставили с Луны триста восемьдесят два килограмма «лунных камней».

Эдвин Олдрин (мы давно с ним знакомы) не любит разговоров на эту тему, точно так же, как и Нэйл Армстронг, который отошел от космонавтики и живет уединенно на ферме. Знаю, что он преподавал, был профессором в Массачусетском технологическом институте. Я был на премьере фильма о лунной программе и посадке на Луну американского спускаемого модуля. Сам видел, как выскочил из зала Олдрин и как слезы брызнули из его глаз. Он очень сильно переживал ту эпопею.

Увы, на эту тему легко спекулировать, что сейчас и происходит. Точно так же говорили, что до Юрия Гагарина были космонавты, которые погибли. Кто-то называл имя летчика-испытателя Илюшина, попавшего в авткатастрофу. Словом, считаю все эти разговоры чистой воды домыслами.

– Вы сами восемь месяцев провели в космосе, в замкнутом пространстве орбитальной станции, в составе экипажа из трех человек. Вероятно, такой длительный полет сильно бьет по нервам?

– Да, достаточно тяжелое испытание. Но, во-первых, там работали люди не случайные, а специально отобранные, подготовленные, с определенной мотивацией. Когда нас отбирали, психологический мониторинг осуществлялся очень тщательно. Кстати, я считаю, что у нас были большие достижения в области прикладной психологии – это психология отбора людей для подобных видов работы. И в институте Медико-биологических проблем, и в Военном институте авиационно-космической медицины этому уделялось очень большое внимание. Существовали ясные рекомендации психологов о том, какие люди могут быть годными для работы в длительных экспедициях, а кто более адаптирован к коротким космическим полетам. Несмотря на то, что отбирались и готовились люди очень тщательно

– все они прошли через определенную ломку стереотипов, работая в реальных космических условиях. Одно дело – до полета умозрительно понимаешь, на что идешь и какая у тебя перспектива, другое – ежедневная рутинная работа на станции, которую надо делать чрезвычайно тщательно, иногда в четыре глаза. Работа в космосе, я бы сказал, малоромантическая. К тому же, космонавты находятся в точке пересечения многих интересов и разнообразных рабочих конфликтов, которые идут с Земли. Причем управление космонавтами как представителями разных культур идет по разным каналам, и конфликты как следствие различных интересов проявляются уже непосредственно на станции, в замкнутом пространстве. Особенно это непросто в условиях международной космической станции, где управление осуществляется двумя центрами. Но это тема, к которой я теперь уже не имею прямого отношения...

– Вы поддерживаете дружеские отношения со своим экипажем?

– Наши отношения нельзя назвать дружескими. Это были отношения про-

фессионалов, которые достаточно уважительно относились друг к другу для того, чтобы самым лучшим образом решить задачу. Мы все были перфекционистами. Командир – военный, у него хватило ума не гнуть в баранку двух штатских, тем более, что он летал ранее, а мы – нет. У инженера тоже хватило интеллигентности не кичиться ничем. Наверное, и мне чего-то там доставало. На самом деле, есть некоторые психологические правила, «рецепты». При их соблюдении конфликтов, как правило, не должно быть.

– Не тянет Вас заняться обычной, не космической медициной? Скажем, посидеть на приеме больных?

– По мере надобности бываю на консилиумах. Я ведь еще и возглавляю кафедру. Мне всегда интересно было заниматься медициной, и я продолжаю эту работу, даже будучи менеджером крупной компании.

– Вопрос о политике. Участие в «Диалоге цивилизаций» – к какой области Ваших интересов это относится?

– Применительно к международному форуму «Диалог цивилизаций» я бы от-

нес себя к конструкторам. Занимаюсь конструированием работы форума и диалогового процесса. И помогаю своему руководителю – Владимиру Ивановичу Якунину, который является идеологом этого движения. Работа мне интересна, потому что это еще одна грань, где я чувствую, что могу быть полезен. Подобными проектами мне приходилось заниматься и ранее. В середине восьмидесятых мне довелось участвовать в переговорных процессах на уровне «народной дипломатии» в движении «Врачи мира против ядерной войны». Кстати, впоследствии это движение получило Нобелевскую премию. Еще один проект – инициирование возобновления совместных пилотируемых программ между США и СССР в период, который характеризовался как «холодная война». Но это, впрочем, тема другого разговора.

– Сейчас модным становится утверждение, что против России существует заговор и все, кто за «бугром», нас не любят и хотят погубить...

– Мне никогда не удавалось однозначно убедиться в том, что я за руку поймал настоящего заговорщика. Если бы я знал, что у нас нет своих собственных чудачков и исполнителей, то может быть, и согласился бы с утверждением о заговоре против России. Но у нас и своих «заговорщиков» хватает, которые, может быть, даже об этом не подозревают.

– Будучи колоссально занятым человеком, находите ли Вы свободное время для любимого занятия? У Вас есть хобби?

– Мне во время полета часто снилось, что я веду машину. Пожалуй, эти воспоминания и дают мне право сказать, что я люблю управлять автомобилем. Хобби это не назовешь, но, тем не менее, времени так мало остается на себя, что и вождение начинаешь воспринимать как хобби. Я отдых понимаю как смену деятельности. Делать что-то, что будет приятно, в удовольствие – и все. И очень жаль, что на семью времени остается мало. Внуки растут. Когда я прихожу и они еще не спят, то это сопровождается радостными криками: «Дед пришел!» В нашем доме есть давняя традиция – я варю кашу по утрам на всю семью. Кормлю родных, получаю от этого удовольствие, но сегодня еще и получил благодарность: старшая внучка проснулась в школу пораньше и подошла поблагодарить за кашу. А хобби... Если было бы достаточно времени, то я, может быть, снова покатался на горных лыжах, летом – поплавал с аквалангом.

